

Брат брату - брат

Лет пять назад Алексей Балабанов говорил, что предпочитает цветному кино черно-белое. Чернушному реализму и коммерческим кино клубам — авторские фантазии. Он и сам был типичным "автором", режиссером, творящим "кино не для всех". Но в отличие от многих элитарных режиссеров Балабанов был еще и толковым профессионалом. Абсурдистские фантазии на темы Беккета и Кафки не могли стать кассовыми хитами: массы ценят иные фильмы. Медитативные ритмы классического европейского кино чужды поколениям, выросшим на американских боевиках.

Потому мне совсем не хочется ловить Балабанова на слове. Заводить менторский монолог об измене художника былым идеалам. Всякий человек меняется с годами. Всякому режиссеру хочется зрительского успеха. Последний фильм Балабанова "Брат" — это, как написали бы в иноземных справочниках, жанровый гибрид "драма экшн" из жизни киллеров.

Паренек из заштатного городка приезжает в Питер к старшему брату. А тот, оказывается, зарабатывает человекоубийством. И вот уже младшему приходится вызволять старшего из внезапной беды. История во вкусе Люка Бессона. Только в отличие от Леона и Никиты братец-душегуб не тянет на романтического героя — мелковат, труслив, подловат. Виктор Сухоруков играет ничтожество.

Зато Сергей Бодров (младший) — честен, благороден, добр. Режиссер использует его личностные качества, не требуя лицедейской протейности, мудреных перевоплощений. Бодров — актер-натурщик, он действует в заданной Балабановым ситуации, оставаясь самим собой. Отсюда — его редкостная органичность, естественность.

Герой его — тип "природного" человека. Может быть, и прав автор: бродят такие неиспорченные житейской грязью паренки где-нибудь в глубине внутренней России. Сюжет о "завоевании" провинциалами столиц — один из самых распространенных в литературе и кинематографе. Данила познает изнанку глянцевого образа большого города. Он не просто наблюдатель, в прежние времена критики называли бы его "нравственным камертоном" картины. И е-

ли порой ему приходится включаться в разбойничьи игры, он сохраняет незапятнанным свое природное благородство.

Алексей Балабанов сочинил сильного героя. Но сила его не в утрированной мужественности (а-ля Бандерас), не в монументальной телесности (а-ля Сидихин), не в костоломном трюкачестве. В цельности натуры. Бодров-Данила — мужчина-дитя, так и не обучившееся взрослому искусству лицемерить. Потому элемент инфантильности не принижает героя, напротив — очеловечивает персонаж, способствует его экранному лидерству. Есть в Даниле что-то от "младшего сына" — триумфатора всех волшебных сказок.

В фильме часто звучит слово "брат". Поражаешься, сколь же оно и его производные в нашем языке многозначны. Брат — категория родства. И это же — обращение к другу-товарищу (если вдуматься — отрицание приоритета кровных уз). А рядом — "братва", самоназвание криминальной касты. Балабанов обыгрывает в своей картине все эти значения заглавного слова.

В начале века в большом ходу были сочинения о "благородных разбойниках". Они давали мирному обывателю надежду на то, что и в окрестной реальности возможны справедливость, благородство, доброта. Что за слабого вступится явившийся внезапно, как бог из машины, сильный и смелый герой. На исходе недоброго века Алексей Балабанов своим фильмом возрождает старинный жанр.

Арсений СТРАБЫКИН

Начиная в этом номере разговор о фильме Алексея Балабанова "Брат", мы заранее уверены, что этим дело не кончится: слишком сложная и важная это работа. На этих страницах — отклик Арсения Страбыкина, а также интервью с режиссером фильма, исполнителем главной роли Сергеем Бодровым и исполнителем очень существенной роли второго плана Виктором Сухоруковым. Корреспондент телевизионного "Кинескопа" Ася Колодижнер говорила с ними на съемочной площадке, еще до Канна и успеха на "Кинотавре". А впечатления о фильме в контексте "Кинотавра-97" на страницах 8-9.

Сергей Бодров:

— Сережа, когда мы разговаривали в прошлом году на фестивале в Сочи, вы были в сомнениях относительно того, будете ли еще сниматься в кино. Сейчас вас уже взяли в оборот. Как вы все-таки оказались в сетях этого дела?

— На самом деле я до сих пор в сомнениях. И все равно каждый раз говорю, что больше не буду, и каждый раз прибавляю: если что-то очень интересное — соглашусь. Но "Брат" как раз тот случай, где все как бы сошлось — интерес и хорошая компания. Мы с Лешей Балабановым в Сочи-то и познакомились, сразу после того, как с вами поговорили. Он рассказал

идею "Брата", что это будет за кино, что в нем будет много музыки. Он рассказал про героя, и все мне показалось необычным, привлекательным. Я думаю, интересно будет то, что его вкус, стильность, вообще представление о кинематографе совместятся с достаточно жесткой фабулой, с почти детективным сюжетом или сюжетом боевика. В этом столкновении может получиться интересный результат. Гораздо более тонкий, чем простое совмещение двух таких вот киношных образов, и я думаю, привлекательный для зрителя.

— Вы играете своих сверстников в "Кавказском пленнике" и в "Брате". И там, и там — след войны. В "Пленнике" — непосредственный, здесь — отблески войны. А в жизни вы, человек совершенно далекий от всего этого, на себе след войны ощущаете?

— Я поступил в университет в восемьдесят девятом году, когда только что вывели войска из Афгана. Если бы не поступил, пошел бы в армию и еще мог попасть туда. Помню, как моя мама волновалась, я помню, как я сам готовился пойти в армию, думал о том, что если я попаду туда... Помню, когда был маленький, нас всех пугали атомной войной, как все побежит в метро прятаться. Это один из таких больших детских страхов. На самом деле действительно было жутко страшно — прилетит атомная бомба, и хана, и все-все сгорит. Мои дедушка, бабушка воевали, и для меня слово "война" — звук не пустой.

— Как строятся у вас с Балабановым отношения актер —

режиссер, если сравнивать опыт работы на "Кавказском пленнике" и на этой картине? Мы с вами говорили, что ваш отец — диктатор, а сейчас?

— Леша Балабанов — замечательный человек. На самом деле, я думаю, он тоже диктатор, как любой правильный режиссер. Он достаточно строг, требует многого от актеров, требует точного следования тексту. Безусловно, мы много разговариваем, он спрашивает, как бы я сделал, но тем не менее у него достаточно четкое представление о картине и о моей роли. Но он не орет на меня, естественно, как папа. В общем, отношения нормальные.

— Леша сказал, что вы посвоему обогащаете роль, говорите какие-то вещи, которые он учитывает как режиссер.

— Ну, конечно, конечно. Естественно, я только как бы из себя могу что-то там копать. Хотя я уже в двух картинах снялся, не знаю до сих пор, как, на чем, собственно, профессия строится, и технические тонкости мало мне знакомы. Поэтому я вроде как все из себя делаю, изнутри, пытаюсь ему предложить что-то. Иногда он соглашается.

— А все-таки решение стать актером, оно так и...

— Нет, нет, честно-честно... Где-то еще снимусь, может быть, не исключено. Но если я всю жизнь буду только актером — значит что-то у меня не получилось. Мне хочется чего-то другого. Актер — замечательная, великая профессия, но просто не моя профессия, не моя, я знаю. Я знаю, что такое большие актеры. Поэтому... Нет, нет.